

Тот, кто стоит снаружи

Автор:

[Альбина Нури](#)

Тот, кто придет за тобой

Альбина Нури

За пределом реальности

Одинокая, считающая себя неудачницей Яна приехала в Сербию ухаживать за умирающей дальней родственницей Горданой. Взамен богатая тетушка обещала оставить ей все свои деньги и огромный прекрасный дом.

Лишь спустя некоторое время Яна, не знающая языка, не имеющая знакомых в новой стране, стала понимать, что они живут почти в изоляции, местные жители шарахаются от них. Дом Горданы они называют Черным, а всех его обитателей считают проклятыми.

Яна и рада бы не верить рассказам, но тут начинают происходить настолько непостижимые события, что она вынуждена признать: они с Горданой в самом деле не одни в старом доме...

Книга также издавалась под названием «Тот, кто стоит снаружи».

Альбина Нури

Тот, кто придет за тобой

© Нури А., 2019

Пролог

Вчера ночью я снова слышала его за дверью спальни. То существо снова приходило. Оно бродило так близко, а я даже не могла понять, что оно такое, из какой адской пропасти выползло, чтобы утянуть меня за собой.

С прошлой недели кошмар стал повторяться каждую ночь, и я уже не надеюсь, что это прекратится само собой.

С вечера, а иногда и под утро, мне обычно удается забыться сном – отвар из трав успокаивает нервы, помогает заснуть, пусть и ненадолго. Но время с полуночи до трех-четырех часов, когда я бодрствую, превратилось в пытку.

Я никому не могу рассказать о том, что происходит: кто мне поверит? Впечатлительность, разыгравшееся воображение, состояние моей психики и прочие физиологические и эмоциональные причины – вот какими словами все будут жонглировать, если я посмею заикнуться о своих страхах. Наверное, я и сама бы так реагировала, поделись со мной кто-то подобной историей.

Но правда в том, что все происходит на самом деле! Жуткая тварь существует не только в моем воображении. Я слышала ее, я ее видела! Дом напоминает мне кладбище, а сама я – живой мертвец, похороненный в этих стенах.

Прошлой ночью – как и всегда, когда появляется это существо, – я лежала в кровати, трясясь от ужаса, не в силах пошевелиться. Страх парализовал меня настолько, что я не в состоянии была не только двигаться, но и дышать.

Воздух входил в легкие маленькими глоточками, и мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание от недостатка кислорода. Ноги и руки были ледяными, и я их почти не чувствовала, а сердце колотилось так громко, что я, кажется, слышала его стук.

И оно тоже слышало. Оно всегда чувствует человеческий страх – и наслаждается им, и пьет его, как коктейль через трубочку, вытягивая из меня жизнь, веру, способность бороться. Мы разделены тонкой стеной, хлипкой дверью – ничтожная преграда, не способная защитить меня от этого существа...

Глава 1

– Когда твоя мать выходит замуж раньше тебя, это как-то... – Яна сделала неопределенный жест рукой: помахала, как будто отгоняла назойливое насекомое. – Даже не знаю.

– Немного унизительно, – подсказала Зинаида.

– Вечно ты ляпнешь! – возмутилась сердобольная Галка. – Янчик, не слушай эту балбеску. Знаешь же, какой у нее поганый язык!

Яна сидела на кровати, скрестив ноги, поставив перед собой ноутбук. Суббота, на работу не нужно, а больше идти некуда.

Галка, как обычно, торчала на кухне и умудрялась что-то готовить, разговаривая с подругами по скайпу. Зинаида красила ногти на ногах винно-красным лаком.

– Строго говоря, Зинуля права, – честно сказала Яна, наблюдая за тем, как Галка с невероятной скоростью шинкует капусту для борща. – За маму я, ясное дело, рада. Она свое счастье выстрадала. Но в мои годы...

– Да какие годы, я тебя умоляю! – воскликнула Галка. – Нам всем что, полтинник стукнул? Мы старухи, по-твоему? И вообще, твоя мать, между прочим, в двадцать шесть тоже была не замужем!

– Что открывает передо мной фантастические перспективы, – грустно проговорила Яна.

Ее мать, Нина Владимировна, была один в один Катерина, героиня легендарного фильма «Москва слезам не верит» – умная, красивая, сильная, талантливая, гордая. В одиночку вырастила и выучила дочь – отец Яны бросил их еще до ее рождения. У девочки даже отчества от незадачливого папаши не осталось: она была Владимировна, как мать, и понятия не имела, жив ли человек, которому она обязана появлением на свет.

Нина Владимировна сама, без чьей-либо помощи, сумела получить высшее образование, а потом – ученую степень. Днем работала, вечерами бегала по ученикам: подрабатывала репетитором, вдалбливая химические формулы в деревянные головы учеников. Лет пятнадцать назад устроилась в крупную фармацевтическую компанию, доросла до исполнительного директора, купила квартиру. На работе на нее только что не молились.

– Хватит себя жалеть! – Зинаида ткнула пальцем в экран. – На нас с Галкой посмотри! Ну, замужем она, и каждый день с мужем собачится. А я еле-еле от своего избавилась, все нервы вымотал.

– Девки, а мы ведь с вами прямо иллюстрация к женским судьбам: замужем, разведенка и в активном поиске, – хохотнула Галка и вдруг выкрикнула: – Неужели нельзя пять минут посидеть с ребенком! Я обед готовлю! – И после паузы: – Да, болтаю! Одно другому не мешает!

– Прелести семейной жизни, – прокомментировала Зинаида, принимаясь пилить ногти – теперь уже на руках.

Яна, Галина и Зинаида учились в одной группе в университете, на факультете социологии. Как подружились на первом курсе, так и оставались лучшими подругами, несмотря на то что жили теперь в разных городах: Яна – в Казани, Галка – в Зеленодольске, а Зинаида после развода переехала в Москву. Снимала там квартиру и работала менеджером в какой-то строительной фирме.

– Свадьбу почему не стали делать? – поинтересовалась Галка, закончив препираться с мужем.

– Мама сказала, что поначалу хотела: с юности мечтала примерить фату, свадебное платье. Но потом решила, что в сорок пять рядиться невестой – это уже смешно.

– Зря! Ничего смешного, вообще-то. – Галка всегда была романтично настроена.

– Их дело. Расписались, и все. В ресторане посидели узким кругом. Я да они с Михаилом.

- Ты его папой зовешь?

- Ха-ха, - громко сказала Яна.

- Говорю же, язва! - Галка опустила овощи в кипящую воду. Зинаида усмехнулась. - А в итоге что ты решила, Янчик? Едешь или нет?

Яна пожала плечами.

- А у меня есть выбор?

- Ой, да если бы и был! - закатила глаза Зинаида. - Думать даже нечего! Что тебя тут ждет? Ничего! Так и будешь в своем детском центре с малолетними балбесами возиться за три копейки, жить с мамочкой и отчимом, мучиться комплексами. А тут - такой шанс! Новая жизнь!

- Хороша жизнь - за старой бабкой горшки выносить, - нежданно-негаданно появившись на экране, сказал Валера, Галкин муж.

- Иди ты к черту! Кто тебя спрашивает! - вскинулась Галка.

Заиграла музыка из фильма «Грязные танцы».

- Все, дамочки, пора бежать! Труба зовет! - Зинаида послала воздушный поцелуй и пропала. Она часто обрывала разговор резко, не утруждаясь тем, чтобы нормально попрощаться. Все уже привыкли к этой ее манере.

- Я тоже думаю, что тебе надо поехать, - сказала Галка.

Они могли бы еще обсудить эту тему - собственно, Яна как раз и хотела посоветоваться, но Зинаиды уже нет, а при Валере откровенничать не хотелось. Яна его всегда недолюбливала.

- Видно будет, - туманно сказала она. - Ладно, Галка, мне тоже идти надо.

- Ты не обиделась? - спросила подруга, заметив ее прохладный тон.

Яна уверила Галку, что все в порядке, и щелкнула на значок отбоя.

Вечером того же дня они с матерью сидели друг напротив друга за кухонным столом. Нина Владимировна недавно пришла с работы – часто приходилось выходить по субботам. Яна пожарила котлеты, отварила рис, но есть не хотелось, и они решили просто выпить чаю.

Михаила дома не было, у него сегодня проходила консультация в клинике. Он работал офтальмологом в медицинском центре – там они с матерью и познакомились.

– Я на первой же консультации понял: у этой восхитительной женщины проблемы со зрением, а у меня, по ее милости, – с сердцем! – любил говорить Михаил.

Шуточки у него нелепые, но сам он – прекрасный человек. Добрый, надежный. Бездетный вдовец. Теперь у матери и со зрением, и с личной жизнью все в порядке. У Михаила дом в пригороде Казани, и они планировали туда перебраться, оставив Яне квартиру.

Но планы изменились три дня назад, после звонка тетушки.

– Я понимаю, что ехать, конечно, нужно мне. Она меня и ждет, в общем-то, – в десятый раз сказала Нина Владимировна. Сказала, прекрасно понимая, что поехать не сможет.

Яна посмотрела на мать. Она всегда казалась себе бледной маминой копией. Вроде и похожи, но Нина Владимировна – красавица, а Яна – просто симпатичная. Мать сделала блестящую карьеру, а Яна, хотя и окончила вуз с красным дипломом, все стремится непонятно к чему; ищет, в чем сможет себя проявить. Хотя, приближаясь к тридцати, пора уже что-то да найти.

– Хватит об этом, – поморщилась Яна. – Я сказала, что поеду.

Нина Владимировна встала, чтобы налить себе еще чаю. Яна к своей чашке почти и не притронулась.

– Прости, дочь. – Не дойдя до чайника, она наклонилась к Яне, обняла, прижалась щекой к щеке.

– Да чего ты, мамуль. Не за что извиняться. Ты всю жизнь пахала, как слон, заработала свое право на счастье.

– Как лошадь.

– Что?

– Работала, как лошадь. – Мать села на соседний стул и улыбнулась. – Какой еще слон?

Яна тоже хохотнула, поболтала ложкой в чашке и сказала:

– Вы с Мишей только что поженились – вам эта поездка не в кассу. Но даже если бы ты решилась и он захотел поехать с тобой... У вас карьера: тебя заменить некому, у Миши пациенты, а я мало того что одна, свободна, так еще и работа у меня – чисто символическая.

В принципе, работа Яне нравилась: полдня она отсиживала методистом в детском центре «Журавлики» (мама пристроила), полдня свободна. Яна писала статьи для женского интернет-издания, а параллельно, втайне ото всех, корпела над романом.

– Яночка, милая, ты не...

– Мам, мне уже Зинаида сказала сегодня. Не надо себя жалеть. Я и не жалею, просто это правда.

– Слушай, давай по-честному. Если отбросить разговоры про востребованность – невостребованность и прочее, мне кажется, это неплохо – поехать в Сербию. Красивая европейская страна, отличный климат, у тети Горданы большой дом. Да, нелегко, конечно, придется – все-таки нужно ухаживать за смертельно больным человеком. – Мать вздохнула. – Но потом... Она оставит тебе дом и сбережения. Ты сможешь поселиться в Сербии, если захочешь. Со временем можно будет получить гражданство. Возможно, встретишь кого-то, замуж

выйдешь. Отличные же перспективы!

«А еще я допишу роман и прославлюсь на весь мир, – подумала Яна. – Сплошные плюсы. Здесь, в России, у меня ни фига не выходит, пришла пора поискать счастья на чужбине».

На следующий день она написала заявление об увольнении по собственному желанию. Мама позвонила директорисе, объяснила ситуацию, попросила не заставлять отрабатывать положенные две недели. Та легко согласилась: Яна не бог весть какой специалист. Работа детского центра без методиста не остановится.

Девушка заказала билеты на самолет – с недавних пор из Казани в Белград можно улететь прямым рейсом. До отлета оставалось три дня – куча времени, чтобы собраться.

– Постоянно будем на связи, – твердила мама.

– Не пропадай, звони! – говорили Галка с Зинаидой.

Яна, укладывая свои вещи, постепенно приходила к убеждению, что поездка, которая поначалу воспринималась как тяжелая повинность, теперь видится ей началом какого-то грандиозного жизненного этапа.

Вырваться из привычного ритма, выйти из круга, по которому бегаешь годами, как цирковая лошадь, – люди мечтают о таком! Еще и за границу уехать – вообще красота!

Когда Михаил за день до вылета, смущаясь и потирая от волнения ладони, сказал: «Ты только, пожалуйста, не считай нас с мамой эгоистами. Мол, сами не захотели ехать, а тебя заставили тут все бросить, сорваться с места...», Яна перебила его и вполне чистосердечно ответила:

– Перестань! Ничего такого я не думаю. Мне нравится идея поехать в Сербию. Я, может, даже мечтала об этом, только сама не подозревала. Все будет хорошо. Не волнуйся и береги маму.

Перед самым отъездом Яна, придя в парикмахерскую, вдруг неожиданно для себя, спонтанно, решила сменить прическу. В последние несколько лет она носила длинные волосы, ниже плеч, и постоянно закручивала их в узел на затылке или же делала «хвост». Все, хватит этого унылого однообразия.

– Сделайте мне каре, пожалуйста.

– А давайте лучше «боб», – предложила молодая парикмахерша, которой Яна прежде тут не видела. Мастера, у которой Яна обычно стриглась, сегодня не было. – Вам пойдет. У вас волосы послушные, густые. Укладывать будет несложно.

Яна взяла и согласилась, а потом, разглядывая в зеркале свой обновленный облик, удивлялась, почему не стриглась так раньше. Глаза стали казаться больше и выразительнее, а черты – изысканнее, тоньше.

– Стильно, современно. Мне нравится, – подвела итог мама. – У тебя даже вид теперь какой-то европейский.

Ночью, уже засыпая, Яна подумала, что все это как-то странно: лететь в чужую страну в качестве сиделки для малознакомого человека; пытаться начать новую жизнь, ожидая, когда умрет твоя родственница.

«Что на самом деле я получу в наследство?» – всплыл в голове вопрос, от которого почему-то побежали мурашки. Яна повернулась на другой бок и велела себе прекратить терзаться глупыми вопросами.

Она едет – и точка.

Глава 2

«Двадцать девятое октября. Я в Сербии», – написала Яна в своей записной книжке. Она вела такие книжки-дневники с подросткового возраста, и на сегодняшний день накопилось уже девять «томов». Тут было все вперемешку: рецепты для похудения, отзывы о фильмах, дневниковые записи, зарисовки,

заметки, наброски сюжетов, эпизоды, которые потом можно будет вставить в роман.

В аэропорту ее ждало такси – тетя Гордана заранее заказала. Яна понятия не имела, долго ли ехать, не узнавала видов за окном и сомневалась, что сможет узнать тетушку. В первый и последний раз (если не считать нынешнего приезда) Яна была в Сербии двадцать лет назад, в далеких девяностых, когда они с мамой приехали к тете Гордане погостить на недельку – тетя тогда еще жила в белградской квартире.

В ту пору Яне было семь лет, и в памяти осталось немного: большой балкон, уставленный цветами, на котором они с мамой сидели и читали на сербском языке сказку «Палчица» – так в переводе на сербский зовется Дюймовочка. Вид из окон на реку; лестница, ведущая на второй этаж; ощущение свободы и простора. После тесноты, к которой привыкла Яна – они с мамой в тот момент жили в крошечной малосемейке, – это было необычно и чуточку пугающе.

Тетя Гордана была не то троюродной сестрой маминого отца, не то его племянницей – Яна все время забывала. В общем, седьмая вода на киселе. Отец Горданы был русским, женился на сербке, Милице, – была там какая-то романтическая история, в послевоенные годы. Петр остался в братской Югославии, от брака с Милицей у них родились три дочери, но сейчас в живых осталась только Гордана.

Она никогда не выходила замуж, не имела детей – так и получилось, что на старости лет оказалась в одиночестве. Мама говорила, у Горданы имелись еще племянница и племянник, но где они – неизвестно. Возможно, что и не в Сербии. К тому же был там какой-то давний конфликт, из-за которого они не общались с тетей.

Мама всегда поддерживала связь с Горданой, пусть и не слишком тесную. Они писали друг другу, изредка созванивались. Будучи маленькой девочкой, Нина Владимировна с родителями гостила у тетки. Правда, после смерти отца и матери навещала Гордану всего однажды – в тот раз, с Яной.

У мамы была феноменальная память и интерес к языкам. Она неплохо понимала сербский, читала и говорила на этом языке и Яну пыталась выучить, но без особого успеха.

– Как мы с тетей Горданой будем разговаривать? – спросила Яна маму, собираясь в Сербию.

– Она прекрасно говорит по-русски, не волнуйся. Раньше его обязательно учили в школе, да и потом, ее отец был русским.

Дорога от аэропорта до дома тети Горданы оказалась утомительной, заняла почти пять часов. Когда такси наконец остановилось и водитель объявил, что они приехали, Яна с трудом выбралась из машины: спина разламывалась, ноги затекли.

Было четыре часа, день клонился к закату. Свое пальто Яна еще в аэропорту убрала в багажник: знала, что не понадобится. Октябрь в Сербии – как конец лета в России. Яна стояла на дорожке, ведущей к дому, и оглядывалась по сторонам, купаясь в ласковых лучах заходящего солнца.

Водитель вытаскивал из багажника ее сумки и чемоданы, заносил на крыльцо, аккуратно ставил возле двери.

– Я вам что-нибудь должна? – на ломаном сербском выговорила Яна.

– Ништа није потребно, – таксист отрицательно покачал головой. – Све плаћено.

Ничего не нужно, все уже оплачено, без труда поняла Яна и вернулась к созерцанию. До дороги, с которой они свернули к дому, было, пожалуй, не меньше километра – и никаких других домов в округе. Тетя Гордана, видимо, была настоящей помещицей: вся эта земля принадлежала ей.

Мягкого кремового цвета дом был трехэтажным и, кажется, слишком большим для одного человека. Он стоял у подножия высокой горной гряды, заросшей травой, кустарниками, деревьями. Высокие туи, почти доходившие до третьего этажа, окружали дом зеленым нарядным хороводом.

Возле дома была широкая забетонированная площадка, с левой стороны раскинулся огромный сад – деревья стояли еще зеленые, а на яблонях даже висели краснобокие плоды угрожающих размеров.

Справа было большое двухэтажное строение – вероятно, гараж или какие-то подсобные помещения. Перед входом в дом раскинулись клумбы с кустами роз. А дальше, сколько хватало глаз, – зеленые поля.

Запросто можно было бы засеять эти территории разными полезными культурами, только Гордана, судя по всему, фермерством не занималась. Вправо и влево вели широкие грунтовые дорожки. Наверное, чтобы удобнее было обходить владения. Или просто для прогулок.

«Как же мне здесь нравится!» – подумала Яна.

А тишина какая – густая, как сметана, ничем и никем не нарушаемая.

А воздух! Свежий и хрустальный – невозможно надышаться.

Откуда-то выбежал и немедленно принялся с громким мурлыканьем тереться о ноги Яны большущий пушистый черно-серый кот.

Таксист перетаскал все вещи и, помахав на прощание, уселся в машину, собираясь уезжать, а из дома так никто и не вышел.

– Хвала лепо! – запоздало поблагодарила мужчину Яна, извлекая из глубин памяти полузабытые сербские слова.

– Чао! Пријатно! – отозвался шофер и, посигналив на прощание, уехал.

– Прости, дорогая, я задремала и не сразу услышала, что ты уже здесь! – услышала Яна и обернулась.

На террасе стояла высокая, немного сутуловатая худая женщина в очках, одетая в брюки и свитер. Вьющиеся короткие волосы ее были уложены в изысканную прическу и выкрашены в каштановый цвет.

– Тетя Гордана! – воскликнула Яна и поспешила ей навстречу.

– Здравствуй, дорогая! Вижу, ты уже познакомилась с Мэгги, – с улыбкой проговорила женщина.

Они обнялись. Яна поймала себя на мысли, что боится ненароком причинить тете боль – такой она была хрупкой. Косточки казались тонкими, как у птички. Но в целом тетя Гордана была вполне бодрой, хотя Яна ожидала застать ее с трудом передвигающейся, а то и вовсе не встающей с кровати.

– Красивая у вас кошка.

– Не у меня, – отозвалась тетя Гордана. – Не знаю, чья она. Заходит погостить, перекусить. Она ласковая, даже прилипчивая. Назвала ее Мэгги, и она, представляешь, откликается!

Яна засмеялась.

– Ты немножко изменилась с тех пор, как я тебя видела. Пожалуйста, зови меня Горданой. Не нужно никаких «тетя» или отчеств, как в России. В Сербии люди обращаются друг к другу просто по имени.

– Договорились, – ответила Яна.

Гордана нравилась ей все больше.

– Оставь пока вещи на крыльце – никто не тронет. Давай я покажу тебе дом и твою комнату, а после будем ужинать.

Они вошли внутрь и оказались в просторном холле. Гордана открыла дверь, что была справа.

– Тут комната для гостей. Но ты не гость, а будущая хозяйка... – При этих словах Яна почувствовала себя неловко, не зная, как реагировать, и сочла за благо промолчать. – Поэтому ты будешь спать наверху, неподалеку от меня.

Они прошли до конца коридора и вошли в большую арку.

– Тут гостиная.

Яна огляделась: комната была большая, но немного запущенная, как будто ее давно не убрали. На большом столе, комоде и журнальном столике скопилась пыль, тяжелые занавеси тоже выглядели запыленными.

«У Горданы, конечно, нет сил заниматься уборкой. Но почему она никого не наймет? Ладно, не мое дело. Позже наведу тут порядок», – подумала Яна.

– Из гостиной можно пройти в кухню-столовую, а оттуда – выход в сад.

Осмотрев все, они вышли из гостиной, поднялись на второй этаж по широкой лестнице с каменными ступенями, ажурными решетками и деревянными перилами и очутились в квадратном коридоре.

– Справа – моя половина. Спальня и кабинет, он же и библиотека. Если захочешь взять какую-то книгу – не стесняйся. Там много изданий на русском языке. – Гордана сделала приглашающий жест, поведя рукою влево. – А вот тут – твои апартаменты.

Это и в самом деле были «апартаменты», Яна едва удержалась, чтобы не присвистнуть. Войдя, она оказалась в большой комнате, где стояли диван, стенной шкаф, столик, кресла, – это была гостиная. Пройдя через нее, можно было попасть в спальню: большая кровать, прикроватные тумбочки, трюмо, кресла, толстый ковер на полу, большое квадратное окно и дверь, выходящая на балкон.

– Нравится? – спросила Гордана.

– Не то слово! – искренне ответила Яна. – Лучше не придумаешь!

Гордана улыбнулась и погладила ее по щеке.

– Ты красивая девушка. Наверное, поклонники толпами ходят. Самое время развлекаться, а ты приехала сюда, в глушь. Возиться с больной старухой.

Яна хотела было возразить («Какие поклонники? Какие развлечения?»), но Гордана не дала ей такой возможности:

– Спасибо, дорогая. Я надеюсь, что не успею сильно надоест тебе.

От этой фразы, в которой было столько сдержанного, ненавязчивого мужества, у Яны навернулись слезы на глаза. Она порывисто обняла Гордану, не найдя подходящих слов. Но та, видимо, и без того все поняла.

– Хорошая ты. Сразу видно. – Гордана немного помолчала, а потом вдруг усмехнулась, превратившись в задорную девчонку, какой, видимо, была когда-то, и сказала:

– Все, хватит слезливого пафоса. Не хватало еще с рыданиями упасть в объятия друг друга. На третий этаж сходишь сама, если захочешь, мне тяжело. Но смотреть там не на что, это самый обычный чердак, заваленный старым хламом. Там вещи моих родных – все, что уцелело... – Она запнулась и поспешно договорила: – В общем, ничего интересного – пауки да пыль.

Яна улыбнулась и кивнула, решив про себя, что обязательно сходит туда позже. В течение следующих двух часов она раскладывала вещи, принимала душ, приводила себя в порядок после дороги. Гордана сказала, что к семи вечера из ресторана привезут праздничный ужин по случаю прибытия гостыи.

– Не стоило! – запротестовала она.

– Очень даже стоило, – возразила Гордана. – Я сто лет не была в ресторане и сюда ничего не заказывала. В этом заведении отлично готовят, тебе понравится.

После душа Яна надела домашнее трикотажное платье и вышла на балкон. Темень была почти непроглядной – стемнело как-то сразу, одномоментно. На ясном небе будто кто-то рассыпал сверкающий бисер, узкая полоска луны переливалась призрачным голубоватым светом.

Дороги отсюда видно не было. Если бы не горный рельеф, можно было бы увидеть далеко вдали сверкающие огоньки – в той стороне находился крошечный городок Мали Зворник, до которого было около пятнадцати километров. Между жилищем Горданы и Малым Зворником лежали такие же дома и небольшие поселки, но ничего этого было не разглядеть: обзор закрывал выступ горы.

Внезапно Яна почувствовала, что ей не по себе. Днем здесь было прекрасно – покой и простор, но ночью это место казалось слишком уж уединенным. И хотя она знала, что буквально в километре – оживленная дорога, по которой в обе стороны мчатся автомобили; почти вплотную к ней несет свои воды пограничная река Дрина, за которой – Босния и Герцеговина, а слева и справа – дома, селения, люди, это ничего не меняло.

Все вокруг казалось застывшим, неживым, а она сама словно заблудилась тут, в мрачном заброшенном месте, на краю ночи, откуда ей уже никогда не выбраться. Яна поспешно отошла от окна и задернула шторы – смотреть в темноту было жутко.

Зазвонил телефон, и она поспешно бросилась к прикроватному столику, на который положила его. Схватила за мобильник, как за спасательный круг. Это была мама – хотела узнать, как дела.

– Я тебе много раз звонила, номер был недоступен.

– Тут связь плохая, мам. То ловит, то нет. Хорошо, хоть Интернет есть.

Мама беспокоилась, спрашивала, как настроение, передавала приветы Гордане. Слушая родной голос, Яна постепенно успокаивалась, а рассказывая, насколько прекрасен дом, где ей предстояло теперь жить, сама уже не могла понять, что ее так напугало и расстроило пару минут назад. Типично бабское поведение: сама придумала – сама обиделась. Или, как в данном случае, напугала сама себя – и переволновалась.

– Мамуль, все супер, как говорят сербы. Место чудесное, я рада, что попала сюда. Дом великолепен, виды кругом – закачаешься, глаз не отвести. А с Горданой мы, похоже, уже отлично поладили, – сказала она и поняла, что ничуть не кривит душой.

Первый месяц, проведенный у Горданы, пролетел незаметно и больше напоминал отпуск. Яне даже было совестно: приехала вроде бы ухаживать за больным человеком, а только и делает, что наслаждается жизнью, гуляет по саду да читает книги. Правда, она еще начала учить сербский, но это тоже оказалось скорее удовольствием.

До дальних концов поместья, как Яна про себя называла владения Горданы, она пока так и не добралась. Предлагала Гордане вместе пройтись, но та не выказывала особого желания, предпочитала сидеть на террасе или проводить время в саду.

– Пока я могу сама себя обслуживать, от тебя ничего не требуется, Яночка. Просто будь рядом, чтобы в случае чего вызвать врача, – сказала Гордана в первый вечер, когда Яна только приехала в Сербию.

– Зачем тогда... – начала девушка, но Гордана мягко перебила, накрыв ее ладонь своей рукой.

– Мне нужно было посмотреть на тебя. Приглядеться, понять, сможем ли мы жить под одной крышей. Люди ведь должны быть внимательны, осмотрительны, подбирая себе партнера для дальнейшей жизни, верно? Так вот, выбирать того, кто будет рядом с тобой в момент смерти, тоже нужно тщательно. Ты согласна?

Яна неуверенно кивнула.

– Если я вам не подойду, вы отправите меня обратно в Казань? – не подумав, брякнула она.

Гордана тихонько засмеялась.

– Не отправлю. Ты мне уже подошла. Я вижу такие вещи с первого взгляда и обычно не ошибаюсь в людях. – Она приподняла бровь и ухмыльнулась. – Может, поэтому так и не вышла замуж.

– Тогда я буду заниматься хозяйством, – решительно сказала Яна. – Если у вас есть помощники, скажите, что теперь их услуги не потребуются. Я сама буду готовить, убирать, стирать.

– Нет у меня никого. Никто не приходит, – говоря это, она вроде бы как-то потемнела лицом. – Я все всегда делала сама и отлично справлялась. Но если хочешь помочь, возражать не стану.

На том и порешили. Кроме того, Гордана объявила, что собирается платить Яне, чтобы та не чувствовала себя приживалкой, и попросила дать номер карты и счета. На следующий день Яне пришел перевод на три тысячи евро.

– Тебе наверняка что-то понадобится, не будешь же ты каждый раз клянчить у меня. Потом, после моей смерти, все, чем я владею, отойдет тебе, но и до той поры ты не должна ограничивать себя в тратах.

Слушая ее, Яна чувствовала себя неловко – и вместе с тем восхищалась своей родственницей. Как спокойно, без надрыва, не стараясь вызвать жалости, она говорит о своей неминуемой смерти! Сколько в ней благородства! Яна задавалась вопросом: смогла бы сама так же достойно вести себя в подобной ситуации?

У Горданы был неоперабельный рак в четвертой, терминальной стадии. Она принимала какие-то препараты, которые призваны были облегчить ее состояние, и два-три раза в неделю к ней приезжал врач. В остальном же можно было подумать, что ничего плохого не происходит.

Конечно, ей было тяжело, не хватало сил – порой ей было сложно даже подняться на невысокий второй этаж, однако Гордана никогда не жаловалась на боль и слабость.

Яна старалась поддержать родственницу. Она быстро поняла, что самым лучшим вариантом было делать вид, что никакой болезни и вовсе не существует, так что стремилась всячески ее развлечь: рассказывала Гордане о жизни в России, о себе и своих подругах, придумывала разные байки. Ей доставляло неподдельную радость видеть улыбку и интерес на лице женщины.

В целом же, если не думать о страшной перспективе для Горданы, к которой она успела привязаться, Яна пребывала в отличном настроении.

Она успокоилась, перестала постоянно думать о неудавшейся личной жизни и невразумительных профессиональных достижениях. Вместо этого с

удовольствием писала свой роман – и ей даже казалось, что выходит неплохо. Время от времени Яна болтала по скайпу с подругами и мамой, отлично высыпалась, а ощущение тревоги, которое посетило ее в день приезда, больше не возникало. Наоборот, ей нравились тихие вечера, уединенность дома Горданы, уют и покой, которые царили в комнатах.

Гости сюда не заглядывали – Гордана, судя по всему, не особо жаловала визитеров. Исключение составляла разве что милашка Мэгги, которая являлась раз в несколько дней. Яна оставляла для нее еду возле двери, и кошка опустошала миску, а потом, если девушка была на крыльце, запрыгивала ей на колени, сворачивалась клубком и дремала.

Слушая ее уютное мурчание, Яна жалела, что Гордана не позволяет взять Мэгги в дом: как она сказала однажды, «кошек люблю без ума, но животных в доме не выношу».

«В люди» Яна выбиралась не часто – примерно раз в неделю. Заказывала такси: автомобиля у Горданы не было, в последние годы она не водила машину и продала ее за ненадобностью.

Добраться до Малого Зворника можно было и на автобусе. Хотя до остановки было больше километра, Яна, наверное, все равно ходила бы пешком: прогуляться при хорошей погоде – сплошное удовольствие. Но подстраиваться под расписание движения автобусов не хотелось, поэтому она предпочитала такси.

Городок был крошечный, по российским меркам – не больше райцентра. С одной стороны – река, с другой – горная гряда. Домики, магазинчики, лавочки, а на выезде – огромная, будто вросшая в гору часовня.

Яне очень нравилось бывать там. Ноябрь был теплым и солнечным, и она выходила на берег, садилась на лавочку и подолгу смотрела на воду, на большой город, который раскинулся на другом берегу Дрины; на Зворницкую крепость, что взгромоздилась на высоченную гору.

Приграничный город – а поблизости никакой колючей проволоки, вышек, собак: именно так Яна представляла себе государственную границу. Зворник и Мали Зворник соединены мостом, и люди постоянно переходят, переезжают туда-

сюда, кто-то за покупками, кто-то по работе.

Ритм жизни в Сербии совсем не тот, к которому Яна привыкла в России. Неспешный, спокойный, размеренный. Девиз сербской жизни – «полако», словечко, которое Яна постоянно слышала и которое можно было примерно перевести как «медленно, постепенно».

Бывало, что доводилось долго стоять в очереди перед кассой, потому что продавщице вздумалось побеседовать с подошедшей к ней женщиной. А вот два автомобиля вдруг остановились посреди дороги, и водители высунулись в окна, бурно приветствуя друг друга, так что всем остальным участникам движения тоже пришлось притормозить... Но это никого не раздражает, никто не орет и не ругается, ибо – куда и зачем спешить? Жизнь прекрасна, надо ценить каждое мгновение.

Яна поймала себя на мысли, что с каждым днем все больше влюбляется в эту страну – в ее прекрасную природу, пейзажи, от которых захватывает дух, в улыбчивых, доброжелательных людей, в их готовность помочь и принять участие.

В то же время девушку смущало, что она как бы выключена из этой жизни: она течет мимо, как несет мимо свои воды река Дрина. Яне хотелось бы тоже останавливаться и говорить с соседями, обсуждать что-то, чем-то заниматься, а не просто наблюдать за тем, как живут другие.

– Учи язык, Яночка, старайся, – советовала мама. – Будет у тебя нормальное полноценное общение, сразу почувствуешь себя своей.

Яна соглашалась, усердно занималась, учила. Это ведь только кажется, что русский и сербский похожи, а в действительности говорить и понимать других – непросто.

Но на самом деле ей показалось, что не только незнание языка затрудняло общение с местными жителями. Когда люди узнавали, кто она и где живет, что-то неуловимо менялось в их поведении.

Яна почувствовала это дважды – и с тех пор остерегалась касаться этой темы. Хотя, конечно, это уже вряд ли помогало: Мали Зворник – город маленький, все

всех знают, и русская девушка, что регулярно отоваривалась в местных магазинах, успела запомниться.

В первый раз Яна заметила, как продавщица в «месаре» (мясном магазине), которая только что широко улыбалась, предлагая товар на выбор, вдруг как-то скисла. Улыбка ее погасла, она быстро упаковала выбранные Яной свиные ребрышки и курицу и всучила покупательнице, явно желая, чтобы та побыстрее ушла.

Тогда Яне показалось, что это случайное совпадение: мало ли, может, женщина вспомнила, что у нее какое-то неотложное дело.

Но похожая ситуация повторилась в аптеке, куда Яна зашла купить лекарство от головной боли: только что девушка за прилавком была полна желания помочь определиться с выбором, а потом неожиданно смешалась, даже покраснела слегка, опустила глаза.

Странно.

Яна подумала, что надо бы спросить у Горданы, поинтересоваться, в чем тут дело, но потом решила не волновать ее понапрасну. Скорее всего, обычные сплетни, людская зависть, пересуды и толки. Если все это нести в дом, обсуждать и всерьез воспринимать, никакого здоровья не хватит. А с ним у Горданы и без того проблем хватает.

Тем более что доктор, например, относился к Гордане и Яне прекрасно. Он знал русский, правда, говорил с сильным акцентом, но вполне понятно, так что Яне нравилось беседовать с ним. Высокий – среди сербов вообще много рослых мужчин, с благородной сединой и темными грустными глазами, доктор Милош Пантелич был немного похож на Сильвестра Сталлоне. Он жил в Лознице, городке, что находился примерно в сорока километрах от дома Горданы, и два-три раза в неделю навещал свою пациентку.

– Гордана – смелая, сильная женщина, – сказал он как-то Яне. – Я восхищен тем, как она борется. Как держится.

– Да, я тоже, – с энтузиазмом подхватила Яна.

- Вы ведь знаете, у нее была непростая жизнь, и люди не всегда понимали...

В этот момент Гордана вышла на террасу, где они разговаривали, и доктор Милош замолчал. Яне хотелось сказать, что ничего такого она не знает - выросла-то не здесь, и спросить, чего не понимали люди, но разговор перешел в другое русло, а подходящего момента, чтобы вернуться к прежней теме, не было.

При первой же возможности Яна задала эти вопросы маме.

- Гордана мало говорит о прошлом, о родителях, о сестрах. Не показывает старинные альбомы. Если они и есть, я их не видела.

- Не все старики трясутся над фотографиями, - резонно возразила Нина Владимировна. - Некоторым, знаешь ли, не доставляет радости бесконечно перебирать пожелтевшие снимки и грустить об ушедшей молодости.

- Это понятно, - досадливо отмахнулась Яна, - но мне кажется, что она уходит от темы, если даже я завожу разговор. Ты ничего про это не знаешь?

- Про что - «про это»? Про родителей ее я тебе сто раз рассказывала. Видела один раз, помню смутно. Люди как люди. Были у нее сестры, одна умерла совсем крошкой. Или, может, в подростковом возрасте. - Мать задумалась, вспоминая. - В общем, ее я не знала. Вторую сестру тоже не видела. Она умерла лет десять назад. Или меньше.

- Или больше.

Мать смущенно хмыкнула.

- От чего они умерли?

Нина Владимировна замолчала, потом неуверенно ответила:

- Не помню. Может, и знала, но... Болели, наверное.

- Ясно. Ничего ты толком не знаешь, - пробурчала Яна.

Мама засмеялась.

– Что ты разворчалась? И что это за детективное расследование? Гордана – обычная старушка. Семья у нее тоже самая обычная, в чем ты пытаешься найти подвох? Ну, не говорит о себе, не желает копаться в прошлом – имеет право. Может, была у нее в молодости грустная любовная история, она не вышла замуж, так что вспоминать сейчас неприятно, больно.

– На старую деву она не похожа.

– Слушай, с чего вдруг все эти вопросы? Оборонил доктор какую-то безобидную фразу – и что?

Яна поколебалась и рассказала матери о случаях в магазине и аптеке. Вопреки ожиданиям, Нина Владимировна ничуть не взволновалась.

– Господи, да чего ж тут удивительного? Элементарно, Ватсон! Гордана – женщина небедная, сама видишь. Долгое время жила в Белграде, владела сетью магазинов. Потом вернулась в родные края, живет обособленно, мало общается с людьми, а они там, сама видишь, коммуникабельные. Вот соседи пошли чесать языками, напридумывали всего. Может, бывшие конкуренты постарались или Гордана мужчину у кого-то в юности увела – разве теперь разберешься? Плюнь и забудь. И не вздумай к ней лезть с вопросами!

Яна обещала, что не полезет. Слова матери ее успокоили. Наверное, она и вправду от безделья выдумала несуществующую таинственную историю, углядела загадки и странности там, где ничего такого нет и в помине.

Верить в это получилось ровно до той поры, пока «странности» не начали происходить с ней самой.

Глава 4

Яна проснулась среди ночи, хотя обычно спала крепко до самого утра. Виноваты были, видимо, выпитые на ночь чуть ли не пол-литра чаю с молоком и вкусняшками. Накануне Яна купила в магазине «Плазму» – любимейшее печенье Горданы (да и всех сербов, как она сказала).

Яна тоже не удержалась и до отвала наелась нежного, тающего во рту печенья, да еще и намазывала сверху другое лакомство – обожаемый «Еврокрем».

– Скоро в дверь придется протискиваться боком, – вздохнула Яна. – У вас тут все слишком вкусное, чтобы я могла проявлять характер и сдерживаться. То сыр свежий, то павлока (молочный продукт, напоминающий сметану. – Прим. ред.), то теперь вот печеньки эти.

– Кушай, кушай. В молодости у человека должен быть хороший аппетит.

– Жалко только, что он не всегда совместим с тонкой талией.

Проснувшись, Яна поняла, что снова заснуть не получится, придется вставать и идти в туалет. Она нехотя выбралась из теплой постели и вышла из спальни.

Когда возвращалась обратно к себе и проходила мимо комнаты Горданы, услышала жалобный тихий стон и замерла.

Постучать? Войти? Но что, если Гордана застонала во сне, а Яна сейчас войдет и разбудит ее? Не зная, как поступить, девушка прижалась вплотную к двери спальни и прислушалась.

Раздался шорох простыней, скрип пружин – должно быть, Гордана повернулась с боку на бок. Стоны больше не повторялись, и Яна на цыпочках вернулась в спальню.

Кровать ее стояла недалеко от широкого, почти во всю стену, окна. На всех окошках в доме Горданы имелись рольставни, которые можно опускать в жару или на ночь. Поначалу Яна опускала их перед сном, но потом перестала. Никто не сможет заглянуть к ней в окно – некому это делать. Разве что луне.

Они с Горданой обычно оставляли уличное освещение, лампа была включена и сейчас, но из комнаты Яны ее видно не было. Только жиденькая лужица желтого света разливалась где-то сбоку, а кругом – непроглядная тьма, которую рассеивал лишь бледный лунный отсвет.

Яна вздохнула, думая о Гордане, закуталась поплотнее в одеяло и повернулась лицом к окну, да так и замерла. На балконе, куда выходило окно комнаты, кто-то стоял. Высокий худой человек. Она ясно видела темный силуэт, вытянутый и неподвижный. Тот, кто забрался на балкон, стоял и смотрел в окно, прямо на Яну.

От страха она зажмурилась, как ребенок, который надеется, что если он перестанет видеть монстра, то и чудище тоже не сможет его разглядеть. А когда открыла глаза, поняла, что никого на балконе нет – просто густая тень от раскидистой черешни, что росла под окошком.

Чтобы отбросить последние сомнения и развеять страхи, девушка встала и подошла к окну. Вот она – черешня. А вот ее тень. Ничего особенного.

«Дурочка, перепугалась невесть чего», – подумала она, ложась в постель. Яна уже засыпала, запрещая себе думать о плохом, но, когда сознание уже начало затуманиваться и защита ослабла, ей подумалось: «Черешня росла здесь все время, почему именно сегодня она напомнила мне человеческую фигуру? Там действительно кто-то был! Тень, которую отбрасывает дерево, совсем другая. Ее не перепутаешь с силуэтом человека».

Яне все же удалось усилием воли отбросить эти мысли и уснуть, но весь остаток ночи девушку мучили дурные сны. Не кошмары, просто что-то отвратительное, абсурдное, изматывающее. То, чего не вспомнишь поутру, чему нет названия.

В итоге утром Яна встала разбитая, с чугунной головой. К тому же ее знобило, как при высокой температуре. В доме был установлен отопительный котел, во все комнаты проведены батареи, так что обычно здесь было тепло. Но сегодня казалось, что комната выстужена, и Яна натянула теплую кофту.

Она прибрала кровать, кое-как привела себя в порядок и спустилась на кухню, чтобы приготовить им с Горданой завтрак. Та почему-то еще не встала – за дверью было тихо. Обычно Гордана поднималась рано, хотя и не сразу выходила

из комнаты. Но сегодня, видимо, решила поспать подольше.

Придя на кухню, Яна первым делом достала с полки джезву, желая выпить кофе. Здесь, в Сербии, она научилась варить его в турке, по всем правилам, и теперь уже не могла понять, как могла прежде любить растворимый. Правда, без сахара, как Гордана, пить все равно не могла, такой напиток казался ей слишком горьким.

Пока вода закипала, Яна прикидывала, что будет готовить сегодня на завтрак, обед и ужин. Рыбки бы соленой, селедочки с вареной картошкой...

Но нет, это исключено. Сербы – мясоеды, а соленую рыбу считают сырой, не понимая, как можно есть «эту гадость», по выражению Горданы. Потому, видимо, не прижилась тут японская кухня. И это было, пожалуй, единственным, что не нравилось Яне в Сербии.

Жареную рыбу Гордана ела, но не любила. Как-то Яна купила и пожарила «скушу» – скумбрию. Гордана съела свою порцию и даже мужественно повторила несколько раз, что получилось очень вкусно, но Яна видела: вилку Гордана не бросает лишь из вежливости, и больше таких экспериментов не повторяла.

Ладно, на вечер – венгерский гуляш, к обеду – бульон с домашней лапшой. А на завтрак Яна решила сварить овсянку.

Первый сюрприз ждал ее, когда она стала кипятить молоко для каши.

Вода в джезве бурлила, но Яна не замечала этого: теперь было не до кофе. В холодильнике был еще один пакет молока и бутылка йогурта. Она достала все это, попробовала и скривилась. Так и есть. Все молочные продукты, что хранились в холодильнике, прокисли.

– Я же только вчера купила, сроки годности не прошли, – пробормотала она себе под нос, не понимая, в чем дело.

Может, холодильник не работает? Но нет, лампочка горит. Яна на всякий случай все же проверила: вилка была плотно воткнута в розетку.

Поддавшись порыву, она вытащила из холодильника кастрюлю с мясной подливой, которую приготовила вчера и которую они с Горданой еще не доели. Открыв крышку, Яна склонилась, чтобы понюхать содержимое кастрюли, но тут же отпрянула: вонь была такая, словно мясо целый день стояло на солнцепеке и успело протухнуть.

- Что за фигня?

Яна лихорадочно перебирала продукты: горчицу, сыр, колбасу, кетчуп, майонез. Вроде бы все остальное было в порядке.

- У тебя вода выкипает, - раздался за спиной знакомый голос, и девушка чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности, но быстро взяла себя в руки и обернулась к стоящей у порога кухни Гордане.

- Доброе утро.

Без намека на улыбку, не отвечая на приветствие, что было на нее совершенно не похоже, Гордана сморщила нос:

- Чем это так мерзко пахнет? Меня, кажется, сейчас стошнит.

- Молоко скисло. И подлива испортилась.

- Ты забыла убрать все с вечера в холодильник?

Гордана говорила напряженным, измученным голосом, и Яна обратила внимание на то, что выглядит она хуже обычного: глаза совсем провалились, кожа пожелтела. К тому же она впервые видела Гордану непричесанной, с всклокоченными волосами.

- Нет, - поспешно проговорила Яна. - Все было в холодильнике. Я проверила, он не сломан и включен, но...

- Ладно, ладно, - не дослушав, поворачиваясь к ней спиной, торопливо сказала Гордана. - Как уберешь тут все, принеси мне кофе на террасу, будь добра. Хочу посидеть, подышать воздухом.

Яна распахнула окно, чтобы проветрить кухню.

«Наверное, плохо спала, боли мучали, – думала она, выливая прокисшее молоко, отмывая кастрюлю. – Не зря же так стонала».

Закончив прибираться, с подносом в руках Яна вышла на террасу. Здесь стояла удобная садовая мебель – плетеный столик с креслицами, скамейки. Гордана сидела на одной из них, прикрыв глаза.

Десятое декабря – время, когда Казань уже по уши завалена снегом. Здесь же стояла плюсовая температура, но погожим день не назовешь: ветрено, небо затянуто серыми лохматыми тучами, и с минуты на минуту может начаться дождь.

Гордана сидела в кресле. Одета она была так, словно собиралась поработать в саду: теплые брюки и свитер. Прежде она очень любила заниматься садом, но сейчас делать там что-либо ей было тяжело, поэтому Гордана просто бродила, подбирала валяющиеся на земле яблоки, убирала сухие ветви.

Поверх одежды Гордана накинула клетчатый плед. Худенькая, нахохлившаяся, как воробей в морозный день, она сидела и с безучастным видом смотрела перед собой.

– Я принесла вам кофе, – бодрым голосом проговорила Яна, и женщина обернулась.

– Спасибо, дорогая, – слабо улыбнувшись, ответила она. – Прости, я была груба там, на кухне.

– Что вы, – запротестовала Яна, – вовсе нет!

– Неважно спала прошлой ночью, – сказала Гордана. – Тяжелые сны. Да и болячки подняли голову. Не сердись на меня.

– Может, позвать доктора Милоша? – предложила Яна.

– Ни к чему его звать. Мы обе знаем, что со мной, и он ничем не поможет.

Поговорив с Горданой, Яна с тяжелым сердцем вернулась на кухню. Запах тухлятины уже давно выветрился, но ей все равно казалось, что он витает в воздухе. Яна хотела поесть каши, которую пришлось сварить на воде, но так и не смогла проглотить ни ложки, выбросила еду в ведро.

Гордана тоже отказалась от завтрака, что было впервые с тех пор, как Яна приехала. С террасы уходить она тоже не захотела – так и просидела там почти до самого полудня. Только когда дождь, который поначалу накрапывал, превратился в настоящий ливень, женщина вернулась в дом.

– Хотите, я вам чаю заварю с мятой или ромашкой? – Черный Гордана, как и многие сербы, почти не пила, предпочитала травяные. – Вам нужно согреться. Холодина на улице.

– Спасибо, Яночка. Ничего не нужно, – сказала Гордана, поднимаясь по лестнице. Яна с грустью отметила, как тяжело она опирается на перила. – Полежу, подремлю до обеда. Не беспокойся обо мне.

Плохо начавшись, закончился этот день тоже так себе: под вечер позвонила Галка, объявила, что поссорилась с мужем, и целый час рассказывала, какая он скотина, как она с ним мучается.

Это было обычное явление, Яна отлично знала, что Валера с Галкой скоро помирятся. Она говорила положенные в таких случаях слова, успокаивала рыдающую подругу, задавала вопросы и выслушивала жалобы, чувствуя при этом, что подлинного сочувствия не испытывает. Галке уж всяко лучше, чем Гордане, но та держится молодцом, а эта разнюнилась.

Кое-как сдержавшись, чтобы не наговорить резкостей и не обидеть и без того расстроенную Галку, Яна закончила разговор и отправилась в душ.

На этот раз рольставни перед сном она опустила. Постояла перед ними пару минут, хотела было не идти на поводу у собственной мнительности, но потом решила, что доказывать никому ничего не собирается. Раз ей спокойнее, когда рольставни опущены, значит, она их опустит, вот и все.

Глава 5

Прошли почти две недели. В конце декабря Яна всегда чувствовала подъем – Новый год приближается, самый любимый, волшебный праздник. На этот раз она тоже пыталась разбудить в себе ощущение чуда, вызвать радость, хотя и не сказать чтобы очень уж успешно.

Новый год в Сербии принято праздновать не так широко, как в России, другое дело – Божич, Рождество.

– Все просто лягут спать, – сказала Гордана. – Мало кто будет встречать наступающий год.

Впрочем, Яна решила, что они обязательно устроят себе праздник.

– Я наряжу елку, украшу дом и приготовлю что-нибудь вкусненькое. У вас есть елка? Или вы ставите живую?

Гордана покачала головой.

– Нет, – ответила она сразу на два вопроса. – Но рождественские украшения есть, посмотри в коробке на чердаке.

Яна послушалась, придирчиво перебрала запылившиеся венки, полусломанные фигурки Дедов Морозов, потускневшие шары и сложила все обратно в картонную коробку.

– Лучше я куплю все новенькое. Будет весело и нарядно, обещаю.

– Хорошо, – согласилась Гордана. – Последний год жизни действительно можно и поприветствовать.

Яна сделала вид, что не обратила внимания на эти слова, и с преувеличенным энтузиазмом принялась перечислять, что планирует приготовить.

Настроение Горданы в последнее время резко изменилось. Если раньше она держалась ровно и спокойно, то теперь, после той ночи, когда Яне померещился человек, стоящий на балконе, все стало иначе. Гордана сделалась нервной и замкнутой, нередко срывалась, хотя позже просила прощения. Несколько раз Яна заставляла ее в слезах.

Доктор Милош качал головой и говорил, что рано или поздно это должно было случиться: состояние больной ухудшается, болезнь берет свое. Яна понимала, говорила себе, что изначально готовила себя к чему-то подобному, но на душе скребли кошки. Она не могла до конца поверить, что дело только в болезни. А в чем еще – не знала.

– Я съезжу в Лозницу, куплю украшения для дома, елку, игрушки, – сказала Яна Гордане. – Там выбор больше.

Но дело было не только в выборе. Лозница – более крупный город, чем Мали Зворник, Яна там еще не была и хотела съездить, чтобы немного развеяться, сменить обстановку.

Можно было отправиться в Баину-Башту – то есть в противоположную сторону, забраться повыше в горы. Но ехать туда было дольше, а оставлять Гордану одну надолго не хотелось.

– Вернись не позже трех часов.

Она говорила все это Гордане, которая сидела в гостиной, уставившись в телевизор. Шла музыкальная передача, звук был убавлен. Пляшущие человечки на экране открывали рты, улыбались, скакали и говорили о чем-то.

– Хорошо, – безучастно проговорила Гордана. – Будь осторожна.

Яна вышла на крыльцо и вдохнула полной грудью. Такси еще не подъехало, и она стояла, обводя взглядом пейзаж, который стал уже отчасти привычным. Желтая листва уже почти везде осыпалась, горные склоны обнажились. Трава оставалась зеленой, но это уже перестало удивлять. Минувшая неделя была сухой и теплой, но синоптики обещали с завтрашнего дня похолодание и дожди. А к концу недели должен был выпасть снег.

– Долго не пролежит, растает, – говорила Гордана. – Тут тебе не Сибирь.

Яна от всей души надеялась, что так оно и будет. Потому что при длительных снегопадах дорога к дому оказывалась заблокированной, и это могло длиться несколько дней. Оказаться отрезанной от мира с умирающим человеком на руках – худшее, что могла представить себе девушка.

О том, что Гордане осталось недолго, счет шел на недели, сказал доктор Милош, да Яна и сама понимала. Больная сильно сдала: похудела, не желала есть, плохо спала.

Яна теперь тоже спала не так крепко – сказывалось общее нервное напряжение. Она просыпалась несколько раз за ночь, вставала, подходила к двери Горданы и прислушивалась. Обычно Яна хорошо запоминала свои сны, но теперь ее мучили смутные, хаотичные образы, которых она не могла ни уловить, ни запомнить. Почти каждый раз поутру она чувствовала себя еще более уставшей, чем вечером, и только к середине дня могла «разгуляться».

Сегодняшняя ночь не стала исключением. Яна уснула быстро и до двух ночи продиралась сквозь тревожные сновидения. Проснулась и некоторое время лежала, пытаясь связать воедино обрывки видений. Единственное, что запомнилось, были дети. Сколько их было? Что они делали? Чьи вообще это были дети? Вспомнить не удавалось.

Вроде бы видеть их во сне – это хорошо, подумалось Яне. Вот только ничего хорошего она сейчас не чувствовала.

Из коридора раздался вскрик. Гордана!

Яна вскочила, запутавшись в одеяле и едва не полетев на пол. Картины, одна ужасней другой, прыгали перед внутренним взором. Наверное, Гордана пошла в туалет, ей стало дурно, она упала, ушиблась...

Рывком распахнув дверь, Яна выскочила из комнаты и зажгла свет. Коридор был пуст. Но из комнаты Горданы доносилось жалобное бормотание и какой-то звук – не то скрежет, не то шорох.

Яна подошла ближе, прижалась ухом к двери.

– Не могу больше! Я не буду... не смогу! Оставь меня! – вдруг разобрала девушка в потоке невнятных слов отчетливую фразу.

«С кем она говорит?» – подумала Яна и взялась за ручку двери.

Вдруг накатил непонятно по какой причине возникший страх, и она никак не могла заставить себя войти внутрь. Господи, да чего бояться? Человек страдает от боли, возможно, нуждается в помощи, а она стоит тут, подслушивает!

Пересилив себя, Яна решительно отворила дверь. В спальне Горданы всегда горел ночник. Пятно тусклого света, что расплылось под синим абажуром, шкаф, трюмо, диван и два кресла, столик, заваленный книгами, тени в углах, кровать, на которой, прикрыв глаза, лежала Гордана, – все это Яна охватила взглядом в одно мгновение. Кажется, ничего необычного, только...

На долю секунды ей показалось, что над Горданой склонилась какая-то тень. Яна моргнула – никакой тени.

– Гордана, – шепотом проговорила девушка, но ответа не получила.

Брови больной страдальчески хмурились, губы были плотно сжаты. Постояв в дверях еще немного, Яна тихонько вышла из комнаты.

Сейчас, стоя на крыльце в ожидании такси, она думала о том, что постоянное пребывание рядом с тяжелобольным человеком – настоящее испытание, к нему далеко не все готовы. Та черная тень (если она была!), может, это что-то вроде ауры, вызванной болезнью, которая окутывает Гордану?

Даже кошка Мэгги перестала приходить, как будто ей тоже не по нраву была тоскливая атмосфера, что воцарилась в доме. Яна оставляла для нее еду на крыльце, но миски всякий раз оказывались полными.

Такси, наконец, показалось на повороте, и Яна приободрилась. Все, решила она, в ближайшие несколько часов нужно гнать от себя тяжелые мысли, а то недолго окончательно впасть в мистицизм.

Лозница пришлась девушке по душе. Пожалуй, в таком местечке она хотела бы жить. Водитель высадил ее возле транспортного кольца, от которого расходились дороги-лучи, что вели в разные концы города.

Городок пересекала закованная в каменные берега речка Штира. Неглубокая, узкая, но опасная и непредсказуемая, как и все спускающиеся с гор реки: если разольется, полгорода затопит!

Широкая пешеходная зона, парк и большой сквер в центральной части города, бесконечные ряды лавочек, парикмахерских, аптек, магазинчиков – такой увидела Яна Лозницу. Несмотря на конец декабря, здесь было зелено и, как и в Малом Зворнике, никто никуда не спешил.

Яна с удовольствием прошлась по магазинам, выбрала подарки Гордане, деликатесы для праздничного стола. Целый час бродила по торговому центру с елочными игрушками и украшениями, с детской радостью и энтузиазмом накупила гирлянд, сверкающих шаров, серпантина, рождественских венков и, конечно, елку – высокую, больше двух метров, пушистую, очень похожую на настоящую.

Сумки до стоянки такси девушка еле-еле дотащила. Буквально в паре метров от машины, к которой она направлялась, у одного из пакетов лопнула ручка. Яна успела подхватить его, поэтому ничего не рассыпалось, но, занятая тем, как бы что-то не упало и не разбилось, не смотрела на дорогу и наткнулась на чью-то спину.

– Простите, пожалуйста, – машинально проговорила она по-русски. Мужчина, на которого она налетела, обернулся и ответил:

– Ничего страшного.

Пару секунд они смотрели друг на друга, соображая, что говорят на одном языке, а потом хором проговорили:

– Вы тоже из России?

– Меня зовут Андрей, – сказал он, улыбаясь.

На вид ему было лет тридцать. Не очень высокого роста и не сказать, что особенно симпатичный. Скорее обычный. А вот улыбка хороша: открытая, искренняя, доброжелательная, она освещала его лицо, и сразу хотелось улыбнуться в ответ. Что Яна и сделала, назвав свое имя.

- Вы живете в Лознице? Или приехали к кому-то погостить?

- Ни то, ни другое. Живу недалеко от Малого Зворника, у родственницы. Сюда приехала за покупками.

Он перевел взгляд на переполненные пакеты и длинную упаковку с елкой у нее в руках и спохватился:

- Давайте поддержку.

Яна передала ему пакеты.

- Хотела взять такси. Гордана, это моя тетьа, больна. Я не могу оставлять ее надолго.

Удивительно, но стоянка была пуста: все машины разъехались, пока они беседовали.

- Хотите, подвезу вас? - предложил Андрей.

- Нет, что вы! Это другой город, - фальшиво запротестовала Яна, в глубине души надеясь, что он не передумает.

- Бросьте, не на плечах же я вас поташу. И потом, здесь все близко. Добраться из одного города или поселка в соседний - как в России в другой район крупного мегаполиса доехать. Соглашайтесь.

Яна не стала отказываться.

- Только придется прогуляться до моего дома, это в паре кварталов.

Они с Андреем шли по улицам Лозницы, и Яна поймала себя на мысли, что тревога, которая переполняла ее в последние дни, исчезает, тает. Ей нравилось идти вот так, никуда особенно не торопясь, разговаривать, присматриваться друг к другу, смеяться, разглядывать дома и прохожих. Только мороженого не хватало.

– Жалко, что тут мороженое сейчас только в супермаркетах, а в обычных «продавницах» не найдешь: «зима», «хладно», только сумасшедшие «руси» могут есть «сладолед» в такую погоду.

– Не поверите, я сейчас как раз про мороженое подумала!

– Значит, мы мыслим в одном направлении. Может, по этому случаю перейдем на «ты»?

Она кивнула, Андрей снова улыбнулся ей, и Яна спросила себя, как такое лицо могло показаться ей обычным.

«Влюбись еще в первого встречного!» – одернула она себя.

Андрей, как оказалось, был из Самары, но уже четыре года жил в Лознице.

– Здесь немало русских, – сказал он. – Еще увидишь. В Сербию сейчас многие переезжают. Сердце Европы, южный климат. Страна небогатая, но жизнь тут дешевле и прижиться проще. К тому же получение вида на жительство доступнее, чем в других европейских странах.

Работал Андрей через Интернет: занимался компьютерным дизайном, делал сайты на заказ. Продал в России полученную в наследство квартиру, купил небольшую квартирку в Лознице и был вполне доволен жизнью.

– В Самаре у меня брат, больше никого из родственников нет, – сказал он. – Жены и детей, кстати, тоже.

– Совсем некстати. Я тебя об этом не спрашивала.

«Не хватало, чтобы он сразу понял, что понравился мне».

Андрей никак не отреагировал на колкую грубоватую реплику.

Машина его стояла в одном из крошечных двориков. В каком именно доме жил Андрей, он не сказал, а Яна не спрашивала.

Они загрузили пакеты в багажник, забрались в салон.

– Скажешь потом, сколько я должна. Тут ведь дорогой бензин.

– Я твой знакомый, может, без пяти минут друг, а не таксист. И на бензин себе как-нибудь заработаю, – это прозвучало прохладно, и Яна поспешила загладить неловкость:

– Извини. Мне просто неудобно... – Яна замаялась. – Злоупотреблять.

– Если бы ты мне не понравилась, я бы ни за что не предложил подвезти. Я жутко расчетливый тип.

Всю дорогу они разговаривали непринужденно, как старые знакомые. Яна подумала, что давно уже не чувствовала себя так легко и свободно в мужском обществе.

Девушке довелось пережить два романа, и оба оставили в душе чувство горечи и пустоты.

С первым парнем Яна рассталась, когда узнала, что он изменял ей, и это был удар, поскольку они встречались почти четыре года, со школьной скамьи, и дело шло к свадьбе.

Другого молодого человека она бросила сама, потому что поняла, что никаких особенных чувств к нему не испытывает. Но все же было не слишком приятно узнать, что он утешился на удивление быстро и даже некоторое время встречался с Зинаидой, пока та не уехала в Москву.

Были еще три коротенькие интрижки, которые длились по паре месяцев и не стоили особого упоминания. Постепенно Яна пришла к выводу, что ничего

стоящего в отношениях с мужчинами ее не ждет.

Когда машина свернула на подъездную дорожку, ей стало грустно при мысли о том, что скоро они с Андреем расстанутся.

– Красивый дом, – заметил он. – Чем больна твоя тетя?

– Рак, – коротко ответила Яна. – Гордана умирает.

Автомобиль затормозил возле дома. Андрей коротко взглянул на нее.

– Мне жаль. Мой отец умер от рака. Представляю, каково тебе. Если я могу чем-то помочь, дай знать. – Он достал визитку и протянул Яне. – Здесь мой телефон, скайп, профиль в Фейсбуке. Найди меня, хорошо?

Открывая дверь дома, Яна чувствовала себя разочарованной. Наверное, Андрей заинтересовался ею, раз уж предложил подвезти, но потом она, очевидно, сама не заметив, сказала или сделала что-то оттолкнувшее его.

В итоге он, конечно, оставил ей свои контакты, но сам узнать о ней побольше не спешил и взять у нее телефон не пожелал.

«И это в очередной раз доказывает непреложную истину: со мной что-то не так», – подумала Яна. Выкинуть этого Андрея из головы – и дело с концом, что еще остается. Хорошо хоть помог до дому добраться.

Глава 6

Следующий день был чудесным – таким, какими были поначалу все дни в Сербии, до того, как состояние Горданы стало ухудшаться.

Яна распотрошила привезенные из Лозницы пакеты, показала свои приобретения Гордане. Та отреагировала куда лучше, чем ожидала Яна: улыбалась, внимательно разглядывая каждую вещицу, шутила, смеялась. Щеки

ее разругались, глаза заблестели, она выглядела энергичной и молодой. Яна порадовалась, что идея украсить дом оказалась удачной.

Они принялись за дело вместе: Гордана и слышать не хотела о том, чтобы просто сидеть на диване и руководить процессом.

Вдвоем они собрали и поставили в гостиной елку. Зеленая красавица была хороша, выглядела почти как натуральная. Ель чуть-чуть не доставала макушкой до потолка: как раз хватило места, чтобы водрузить на нее золотую звезду.

Гордана с Яной нарядили елку, развесили по всему дому гирлянды и стеклянные бусы. На дверь пристроили пышный венок, на балконы повесили карабкающихся по лесенкам Дедов Морозов.

В своей комнате Яна развесила гирлянды из ярких лампочек: ей всегда нравилось спать под их перемигивание. Гордана сказала, что не хочет лампочки в спальню – лучше звезды на шторы, рождественские веночки, композиции из фигурок Богородицы, волхвов и Спасителя.

К вечеру обе устали, но были довольны: дом выглядел сказочно, словно на новогодней открытке. Они попили на ночь йогурт с домашним печеньем, и Яна отметила про себя, что у Горданы хороший аппетит.

А потом пришла ночь. Яна зажгла свои гирлянды, поставила любимый режим: лампочки медленно загорались и гасли. На этот раз девушка не просыпалась, спала крепко, как раньше. Но зато открыла глаза в шесть утра и поняла, что больше не заснет.

Выйдя из своей комнаты, она направилась было в ванную, но заметила, что дверь в спальню Горданы приоткрыта и оттуда тянет холодом. Наверное, она решила проветрить комнату, но позабыла закрыть окно.

Яна тихонько приоткрыла дверь и оторопела. Окно и впрямь было открыто, но не это поразило девушку. Шторы, на которые они вчера прикрепили звезды, были сорваны, валялись на полу неопрятными лохмотьями. Рождественские венки и фигурки сброшены со своих мест, сломаны, разбросаны, растоптаны в приступе дикой ярости.

Не сдержавшись, Яна ахнула, и Гордана, которая спала очень чутко, пошевелилась на кровати и открыла глаза.

– Что случилось, Яночка? – спросила она, но девушка не успела ответить. Та и сама все поняла, обведя комнату взглядом.

– Зачем? – Яна не могла больше выдать ни слова.

Гордана ведь была так счастлива вчера, украшая и весь дом, и свою комнату. Она сама выбирала и расставляла фигурки Девы Марии и младенца Иисуса, так зачем ей понадобилось ломать их?

– Я не делала этого, – дрожащим голосом проговорила Гордана.

Интересно, цела ли елка в гостиной?

– Ты мне не веришь, Яна? – Она села в кровати и прижала руки к груди. – Это не я!

Яна вовремя удержала скептическую гримасу. Она увидела, что на глазах у Горданы выступили слезы: женщина не знала, как убедить Яну в своей правоте. Видимо, ночью у нее случилось что-то вроде припадка, временного помутнения сознания.

«Нужно будет спросить у доктора Милоша», – подумала девушка, а вслух произнесла:

– Конечно, верю. Пойду сварю нам кофе, а потом приберу тут все, хорошо? Не волнуйтесь. Все нормально.

– Ты не веришь, – с горечью проговорила Гордана, откинувшись на подушки.

Яна не стала ничего отвечать, прикрыла окно, потому что в комнате было холодно, и ушла вниз. Гордана лежала, отвернувшись.

К счастью, с елкой все было в порядке: она по-прежнему горделиво красовалась в комнате. Остальные украшения тоже оказались на своих местах.

– Гордана утверждает, что не делала это, – позже говорила Яна доктору Милошу. – Но ведь никто другой не мог забраться в комнату и устроить погром! Хотя окно было открыто.

– Проникнуть в чужой дом, ничего не взять, только переломать рождественские украшения? Это фантастика.

– Да, я тоже так думаю. Очевидно, что это она. Только не помнит, как это случилось, и сама верит, что ничего не ломала.

– Мне она тоже так говорила. – Доктор задумался на секунду. – К симптомам заболевания Горданы это не относится, но в ее возрасте и учитывая диагноз... Организм каждого человека реагирует на свое угасание по-разному. Возможно, спутанность сознания будет прогрессировать.

– Она может стать опасной для себя или других?

Доктор так не думал, но не исключал. В общем, насколько поняла Яна, он и сам не знал. Девушка решила заходить почаще к Гордане среди ночи, проверять – и доктор Милош горячо поддержал это решение.

Разговор их состоялся ближе к вечеру, когда доктор Милош приехал проведать свою пациентку, а утром, взявшись готовить завтрак, Яна снова обнаружила, что все молоко, которое было в холодильнике, скисло. Кроме того, испортился йогурт и протухли яйца. Девушка хотела сделать омлет, но ничего не получилось. Она настежь распахнула окна, чтобы проветрить кухню: запах тухлых яиц был невыносим.

Погода испортилась, прогнозы синоптиков оказались точными. Дождь стучался в окна, ветер пел свою заунывную песнь под крышей. Впереди была зима – пусть и не такая долгая, как в России, но все же тоскливая и мрачная. Особенно для двух женщин, одна из которых умирает, а вторая призвана наблюдать за этим.

Проблески активности и хорошего настроения, подобно тому, какой случился у Горданы в день, когда они наряжали елку, больше не повторялись. С каждым днем она будто проваливалась в какую-то яму, и Яна не знала, как ее оттуда вытащить.

Гордана больше не спускалась вниз, чтобы поесть, Яна приносила ей еду в комнату. Ставила поднос на стол и уходила, а через полчаса забирала – почти такой же полный, как и оставляла.

– Гордана, вы опять ничего не съели, – сетовала девушка. – Скажите, что мне вам приготовить, чего вам хочется? Я все сделаю.

– Ничего не нужно. Я не голодна, – всякий раз отвечала больная. – К чему поддерживать эту иллюзию жизни? Чем скорее умру, тем лучше.

Гордана сильно похудела: болезнь пожирала ее изнутри, высушивала тело, выпивала все соки. Ключицы и скулы стали такими острыми, что казалось, ими можно порезаться. Пальцы иссохли, губы истончились.

Утром двадцать девятого декабря Яна зашла в комнату Горданы и увидела у той в руках ножницы. Она держала их возле горла, и на краткий чудовищный миг девушке показалось, что Гордана собирается перерезать себе глотку.

– Нет, что вы... – вскрикнула она.

Гордана бросила на нее сердитый взгляд – она теперь частенько беспричинно злилась на Яну.

– А что прикажешь делать? Не всем же двадцать шесть лет, и волосы густые, как будто на голове шапка. Они выпадают, не видишь?

Яна, конечно, замечала выпавшие волосы, когда прибирала комнату, заправляла и меняла постель.

– Вы хотите подстричься?

– Разумеется! А ты что подумала?

Девушка, не отвечая, подошла к Гордане.

– Хотите, я позову парикмахера? Сделаем вам красивую стрижку, – предложила она, силясь казаться бодрой и делать вид, что все в порядке.

– Еще чего! Ты что, совсем спятила? Я никого не пущу в свой дом!

– Хорошо, хорошо, – примирительно проговорила Яна, – если хотите, я сама могу подрезать вам волосы. Я немножко умею стричь.

Гордана нехотя согласилась и отдала ножницы.

Яна взяла расческу, накрыла плечи женщины полотенцем. Еще совсем недавно Гордана тщательно следила за собой, подкрашивала волосы, теперь же краска облезла, корни отросли, и неопределенного пегого цвета пряди выглядели неопрятно и жалко.

Проведя по волосам щеткой, Яна едва не выронила ее из рук: на расческе осталось катастрофически много волос! Буквально на днях такого не было.

«Болезнь прогрессирует прямо на глазах», – с болью подумала Яна.

Она снова взмахнула расческой – волосы вылезали клоками. Девушка взялась за одну прядку, тихонько потянула и едва не застонала от ужаса и отвращения: волосы легко отделились от кожи, и прядь оказалась у нее в руке.

«Если я продолжу в том же духе, она останется лысой!»

В итоге Яна кое-как подстригла Гордану, изобразив некое подобие стрижки-ежика, которую нередко делают пожилые импозантные дамы. Только у Горданы волос осталось настолько мало, что сквозь них просвечивал череп.

– По-моему, неплохо вышло, – сказала Яна, стараясь не подать виду, как все ужасно. – Голова будет дышать, волосы начнут отрастать.

– Отвратительно, – пробурчала Гордана, глядя на себя в зеркало. – Урод уродом. Спасибо, деточка, удружила!

Она злобно зыркнула на Яну.

– Будь добра, выйди. Мне нужно поспать.

Девушка собрала остриженные пряди и вышла, еле сдерживая слезы. Плакать хотелось не от обиды, а от жалости. Она прекрасно понимала, что Гордана не может отвечать за свои слова, и это случается все чаще.

Иногда, когда голова не была занята бесконечными заботами о Гордане, Яна думала об Андрее. Он не давал о себе знать и, скорее всего, давно и думать забыл о ее существовании.

Через пару дней после их встречи Яна нашла нового знакомого в Фейсбуке, постучалась в друзья. Особой сетевой активностью он не отличался, в основном его посты касались работы, иногда он выставлял фотографии из мест, где бывал. Запрос Яны Андрей принял быстро, поставил ей пару лайков, но больше никак себя не проявлял. Ни звонить, ни писать ему в какой-то из мессенджеров девушка не стала: рассудила, что навязываться ни к чему.

Да и не до Андрея ей было. Если бы он и вздумал позвать ее на свидание, она вряд ли смогла бы надолго отлучиться. Гордану одну не оставишь.

Яна даже в Мали Зворник перестала ездить: отоваривалась в ближайшем поселке Добра Трешна, где была пара продуктовых магазинов. Происходили эти вылазки по одной схеме: Яна приезжала на такси, шла в магазин, попросив водителя подождать, по-быстрому бросала в корзину продукты по списку и возвращалась домой.

Погода так и не наладилась. То и дело принимался лить дождь, ветер завывал так, что весь дом, казалось, дрожал и содрогался.

Доктор Милош как-то говорил, что в ветреные дни, бывает, отключается электричество. И как раз вечером того дня, когда Гордана пожелала остричь волосы, свет погас.

Гордана впала в истерику, словно ребенок, который боится чудовищ, что таятся в темноте, и Яна никак не могла ее успокоить.

– Убери! Убери темноту! – вопила Гордана, пока Яна искала и зажигала свечи. – Оно живет в темноте! Оно всегда приходит в темноте и хочет... Зажги свет! Сейчас же!

Крики ее разносились по дому, пугая Яну до смерти. С перепугу она никак не могла найти свечи: забыла, где они хранятся, хотя специально положила поближе. Потом все же нашла, но потеряла спички.

Наконец, свечи были зажжены, Яна поставила в спальне Горданы целых пять штук. Больная мало-помалу успокоилась, задремала, и Яна смогла спуститься вниз. Куда звонить, кого звать на помощь, она не знала. Единственный известный ей номер телефона принадлежал доктору Милошу, ему-то она и рассказала о случившемся.

Доктор успокоил ее, вызвал техников, и вскоре свет в доме зажегся. Сидя в ярко освещенной комнате, Яна никак не могла прийти в себя. В душе ее, как ни гнала она от себя дурные мысли, поселился страх.

Она стала бояться снова остаться наедине с Горданой в темном доме. И страх этот был мистический, необоримый. Ей казалось, что их не двое, а трое: она, Гордана и... ее болезнь, каким-то образом получившая материальное воплощение, черной тенью нависшая над ними обеими.

Глава 7

– Как будешь встречать Новый год? – спросила Галка.

– Закачу вечеринку, приглашу кучу народу, будем веселиться до утра. Ты меня еще про сербского жениха спроси – нашла уже или еще нет, – огрызнулась Яна, не сумев скрыть раздражения.

Какой вопрос – такой и ответ. Галка не обиделась: похоже, сама поняла, что ляпнула глупость.

– Все так плохо? – тихо спросила она.

- Даже еще хуже.

Сил врать не осталось. Только что она разговаривала с мамой, приходилось сдерживаться, следить за словами. У них с Михаилом это первый совместный Новый год, мама выглядела счастливой и взволнованной. Жестоко было бы портить ей настроение и отравлять праздник. Сколько было новогодних вечеров, которые она проводила в одиночестве! Яна уходила куда-то с подругами, а Нина Владимировна делала вид, что прекрасно отметит и одна.

Они поговорили, Яна уверила мать, что все в порядке. А потом сразу позвонила Галка - собрала троих подруг в общий чат.

- Мы дома, семьей отмечаем. Скоро придут свекровь со свекром, - сказала Галка.

Зинаида собиралась идти в ресторан с новыми друзьями. Кажется, у нее намечался роман - она вся так и светилась, и Яна поймала себя на мысли, что немного завидует подружке.

Было пять вечера, а в Казани и Москве, стало быть, на два часа позднее. Совсем скоро куранты пробьют и возвестят о наступлении очередного года.

Яна сидела в своей комнате, закрывшись на замок. Гордана спала у себя.

Прошлой ночью Яне снова снились кошмары: дети голосили, плакали, тянули ее за собой. А потом появилась Гордана и стала кричать:

- Убери темноту! Прогони ее! - и все стучала, стучала кулаком по столу.

Яна проснулась вся в поту, не понимая, где находится. А потом до нее дошло, что стук не смолкает, что кто-то колотит в дверь. К тому же еще кулаком - грохот на весь дом.

Гордана! С ней что-то случилось!

Девушка вскочила и побежала. Стук не прекращался. Спальня, потом гостиная - Яна распахнула дверь.

- Гордана, что...

Слова застряли в глотке. В коридоре никого не было. Если Гордана и колотила в дверь, то теперь ушла. Не дождалась?

Яна, не тратя времени на рассуждения, ринулась к комнате больной. Вошла без стука и увидела, что Гордана лежит в кровати.

- Чего тебе? - спросила она. Голос был не сонный.

- Вы стучали. Принести что-нибудь? У вас боли?

- Не говори ерунды, - сердито буркнула Гордана. - Я не стучала.

- Но вы же слышали этот грохот?

- Будь добра, дай мне поспать.

Спорить и дальше расспрашивать Яна не стала, вышла в коридор. В то, что стучала Гордана, и правда не поверишь: не могла она так быстро отбежать от двери, вернуться к себе и улечься в кровать. Такая скорость не только тяжелобольному, вообще никакому человеку не под силу.

Но зачем лгать, утверждая, что ничего не слышала? А главное - кто тогда стучал?

«Не приснилось же мне? Или все-таки приснилось?»

Она зашла в свои «апартаменты», как вдруг стук раздался снова. Теперь стучали снаружи в балконную дверь. Яна в ужасе прижалась к стене. Хорошо, в прошлый раз могло присниться, почудиться спросонок, но сейчас-то что? Она ведь точно не спит!

Кто-то забрался в дом - преступник, злоумышленник. А они тут вдвоем, две беззащитные женщины!

«Но зачем он колотит со всей мочи?» – пришла мысль. Яна не дала ей оформиться.

– Я позвонила в полицию! – выкрикнула Яна и выскочила за дверь. – Сейчас сюда приедут полицейские!

Она забежала в комнату Горданы и, не обращая внимания на ее недовольные возгласы, схватилась за телефон, который стоял на прикроватном столике. Один аппарат был в гостиной, второй – в спальне хозяйки. Яна купила его на днях, несмотря на протесты Горданы, и подключила. Он и раньше тут стоял: телефонная точка имелась.

– Куда ты собралась звонить?

– В полицию. В дом кто-то забрался. Он сейчас в моей спальне. Не волнуйтесь, Гордана, сейчас я...

– Выходит, ты тоже слышишь, – прошептала Гордана.

– Конечно, слышу, – терпеливо ответила Яна. – Не нужно бояться, полиция приедет быстро.

– Не поможет никакая полиция. Не трезвонь.

От неожиданности Яна положила трубку, которую уже успела поднести к уху.

– Я не понимаю...

– Иди к себе, девочка, – устало сказала Гордана. Теперь она говорила почти так, как раньше – доброжелательно, даже ласково. Не грубила, не рявкала, как в последние недели. – Нет там никого. Тебе показалось.

– Как так показалось? Ничего мне не показалось! Я слышала, и вы тоже.

Гордана вдруг выпростала руку из-под одеяла, прикоснулась к Яне. Ладонь была сухая и холодная.

– Не слушай. Не смотри. Поверь, так будет лучше. Сколько сможешь, делай вид, что ничего не происходит. Пока ты веришь, не позволяешь себе бояться, ты живешь.

Она смотрела на Яну горящим, умоляющим взглядом, и та не могла вымолвить ни слова. А потом, прямо на глазах, живое чувство ушло из глаз Горданы, и взор ее снова стал недовольным, налился раздражением и тупой злобой.

– Не мешай мне! А ну иди вон.

Яна, слишком потрясенная всем происходящим, молча повиновалась. Пришла к себе. Ни в гостиной, ни в спальне никого не было. Яна включила всюду свет и открыла дверь на балкон. Залитый ярким электрическим светом, он был пуст. Никого.

Что это было? Кто стучал? И стучал ли? Весь день Яна не могла прийти в себя, размышляя об этом, но так и не смогла решить, какой версии ей лучше придерживаться. Решить ли, как в минуту просветления советовала Гордана, что ничего не было, или же думать, что в доме был какой-то хулиган, но сбежал, испугавшись ее угроз?

Или же признаться себе в том, что некое потустороннее существо навестило их в ту ночь?

«Ничего подобного. Я не верю в мистику и всякие ужасы. Это не кино и не книжка, в реальной жизни ничего подобного не случается!»

Утром, открыв холодильник, Яна обнаружила, что некоторые продукты снова испорчены – яйца, молоко, оставшийся с вечера бульон. Уже почти не удивившись, она выбросила все это и позвонила доктору Милошу, который говорил, что собирается навестить Гордану.

– Как она? – спросил доктор, снимая пальто.

Яна молча пожала плечами.

– Я купил то, что ты просила. – Он протянул пакет. – Правильно, что сама не поехала. Погода сегодня ужасная. Такой дождь.

Осмотрев Гордану, доктор вышел из спальни и сразу заспешил к выходу.

– Не останетесь «на кафу»? – удивилась Яна. Обычно они с доктором пили кофе в гостиной, и сегодня она тоже поставила воду кипятиться.

– Не могу, дорогая. Спешу, времени нет. Мы сегодня уезжаем с женой в Ниш. – Яна знала, что там живет одна из дочерей доктора с мужем и детьми. – Третьего января вернусь.

– А если что-то случится? – забеспокоилась Яна.

Доктор Милош протянул ей визитку, на обороте которой были написаны цифры.

– Это телефон моего коллеги. В случае чего звони сразу, не стесняйся. Я его предупредил. Но будем надеяться, все обойдется. Гордана пока стабильна.

Он уже повязал шарф и обулся.

– С праздником, доктор, – сказала Яна, провожая его.

Ей хотелось посоветоваться, рассказать о ночном инциденте, но она не стала задерживать его. Видела, что доктору Милошу сейчас не до нее.

Яна пошла на кухню и до самого вечера простояла у плиты. Приготовила самые любимые блюда Горданы, плюс то, что сама привыкла есть в новогоднюю ночь. Что за праздник без «оливье» и «мимозы»? Могла бы и селедку под шубой приготовить, да жаль нет тут, в Сербии, селедки. По крайней мере, Яна не нашла.

Покончив с готовкой, решила отдохнуть, а тут начались звонки – мама, подруги.

– Твоя-то совсем плоха? – участливо спросила Галка. – Опять разбила что-то? – Она была в курсе происшествия с новогодними украшениями. – Накричала?

Яна вздохнула.

- Гордана примерно так же. Ей становится хуже, конечно, но это может длиться еще месяц, два, три. Доктор так сказал. И к истерикам ее я привыкла, не обижаюсь. Дело не в болезни Горданы, а в том... - Она замаялась, думая, говорить или нет. В итоге решила сказать. - Мне кажется, я тут с ума схожу.

- В смысле? - насторожилась Зинаида.

- Что-то с этим домом не так, - призналась Яна. - Звуки непонятные по ночам. Сегодня вот кто-то в дверь стучал. Один раз я тень черную видела возле Горданы, а в другой раз - на балконе. Продукты постоянно портятся, хотя стоят в холодильнике и сроки годности нормальные. И холодильник исправен.

- Со сроками годности могли и намудрить, - заметила Зинаида.

- Нет, не в том дело! - отмахнулась Яна. - Нормальные продукты, свежие. Или я еды с вечера приготовлю, убегу в холодильник, а утром раз - и скисло все. Так же не бывает!

- Не бывает, - согласилась Галка, которая была экспертом во всем, что касалось домашнего хозяйства.

- А ты что думаешь, полтергейст? - спросила Зинаида с легкой усмешкой.

- Знаешь, легко насмехаться над такими вещами, когда сидишь в центре Москвы или Казани, вокруг полно народу и мобильник под рукой! - взорвалась Яна. - А когда торчишь одна черт знает в какой дыре, и с тобой рядом только умирающая полубезумная тетяшка, отношение сразу как-то меняется!

- Тише, тише, уймись! - Зинаида растерялась, не ожидала такой вспышки. - Я не смеялась, ты чего! Просто хотела подбодрить. Не бывает же такого и...

- А ты откуда знаешь, что бывает, а что нет? - резонно заметила Галка. - Янчик, ты вправду такое... мистическое подозреваешь?

Галка по-совиному хлопала глазами, и ее вид, честно сказать, бесил даже больше, чем Зинаидины слова. Расхотелось делиться своими проблемами.

- Понятия не имею.

- Нет, вообще, конечно, всякое может случиться. Я вот верю в такие вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/albina-nuri/tot-kto-stoit-snaruzhi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)